

Л. К. Рябова

Позитивная дискриминация в этнополитике: постановка проблемы в современной историографии

В последнее время в научной литературе активно обсуждается принцип *позитивной дискриминации*, также известный как принцип *positive action (affirmative action)*. В центре внимания исследователей — моральное измерение проблемы, вопрос о том, при каких обстоятельствах позитивная дискриминация может и должна быть использована, а также конфликт принципов позитивной дискриминации и равенства.

Актуальность этой проблемы для России и сопредельных государств, некогда бывших в составе Российской империи, а затем Советского Союза, несомненна. Этнополитика как внутри России, так и в странах постсоветского пространства (а ранее на территории Российской империи и СССР) дает основание говорить о богатом историческом опыте позитивной дискриминации и ее современных практиках. В частности, за последние годы значительно увеличилось число публикаций на тему соотношения прав этнического большинства и меньшинства. В силу возросшего интереса к проблеме позитивной дискриминации и неоднозначной ее трактовки в отечественной историографии уместно сначала дать обзор некоторых теоретических построений в западной научной литературе, где тема обсуждается уже несколько десятилетий.

**Рябова Людмила
Константиновна**
канд. ист. наук, доц.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Специальная литература, посвященная проблеме позитивной дискриминации, впервые начала издаваться в США и к настоящему времени весьма обширна. Исследователи рассматривают особенности проявления *affirmative action* в этнической, конфессиональной, гендерной, культурной и других сферах. *Affirmative action* до сих пор остается в США одной из ведущих и спорных тем научных дискуссий в области политической истории, социальной антропологии, политологии. Наиболее полный (за 50 последних лет) обзор американской литературы о политике позитивной дискриминации дан в работе Л. В. Кирилловой (Университет Южного Иллинойса, США)¹. Автор не только рассмотрела круг обсуждаемых вопросов и главные направления дискуссий в американской научной литературе, но и обозначила направления в рамках данной темы, до сих пор остающиеся без надлежащего внимания². К числу последних она относит проблемы категоризации групп, попадающих под реализацию политики позитивной дискриминации; национальных меньшинств, которые не имеют права на участие в программах позитивной дискриминации; влияния внешней политики на развитие этой политической практики и др. Из работ, не попавших в поле зрения Л. В. Кирилловой, заслуживают внимания труды известного специалиста в области социальной психологии американской исследовательницы Ф. Кросби (Калифорнийский университет, США), чьи концепции активно обсуждаются³. В частности, ключевым в работах Ф. Кросби является вопрос о том, почему политика *affirmative action*, которая представляется разумной для многих экспертов, вызывает так много негативных комментариев. Одновременно автор дает профессиональный обзор литературы по позитивной дискриминации, обращаясь прежде всего к скептикам и критикам. Американская и в целом западная историография по проблемам позитивной дискриминации отражена также в публикациях таких специализированных периодических изданий, как *American Sociological Review*, *Nationalities Papers* (New York), *Journal of Ethnic and Migration Studies* (University of Sussex, UK) и др. Наибольший интерес представляют публикации в *Journal of Ethnic and Migration Studies*, на страницах которого уже с 1980-х гг. в большом количестве размещались материалы, отражавшие суть дискуссий по проблемам *affirmative action*. Даже общий обзор этих публикаций показывает, что подавляющая их часть содержала критику взглядов противников политики позитивной дискриминации, в частности такого аргумента, как неизбежность реверсной дискриминации (*reverse discrimination*)⁴. Значимость журнала, выступающего источником изучения динамики и направлений развития исследования вопроса в социальных науках (и в политических дебатах), определяется также тем, что в нем регулярно даются обзоры библиографии по проблемам позитивной дискриминации.

Несмотря на то что политика позитивной дискриминации возникла в США (1961) и стала частью американской традиции, к настоящему времени практика *affirmative action* распространилась и на другие регионы, в том числе на страны Азии и Африки, получив нормативную базу в многочисленных документах ООН. Вместе с тем ее содержание и опыт реализации в различных странах остаются предметом не только политических дебатов, но и политологических и правовых рефлексий. Неоднозначно оцениваются, например, практика выстраивания

баланса прав коренного населения и белого меньшинства после падения режима апартеида в Южной Африке, решение проблемы гендерного неравенства в странах Западной и Центральной Африки, изоляция от глобальной культуры и сохранение культурной идентичности малых народов, политика преференций по отношению к меньшинствам в Китае и многие другие проявления позитивной дискриминации, что отражено в литературе, посвященной этим и другим проблемам⁵.

В силу неоднозначности определений данного явления, в силу различных подходов государств к политическим практикам, обусловленным особенностями национального опыта разрешения проблем меньшинств, западные исследователи уделили значительное внимание вопросам теории⁶. Большая часть таких работ приходится на 1980–1990-е гг. В следующие годы накопленный опыт применения позитивных действий на практике заставлял ученых постоянно возвращаться к ключевым положениям теории вопроса, а иногда пересматривать или уточнять их. Так, в 1988 г. в статье британского исследователя Дж. Эдвардса (*J. Edwards*) «в простых терминах», но уже более детально, чем в работе 1986 г., изложены «моральные дилеммы», связанные с вопросом о том, что является собой позитивная дискриминация в пользу этнического меньшинства, а также рассмотрены те обстоятельства, при которых возможно ее применение. Обращаясь к содержательному наполнению этого понятия, Дж. Эдвардс заключает, что *positive discrimination* и *positive action* не одно и то же, хотя границы между ними размыты и эти понятия часто смешивают⁷.

Другой известный автор в этой области — канадский политический философ У. Кимлика (*W. Kymlicka*) — развил теорию прав меньшинств и исследовал тему мультикультурного гражданства⁸. В частности, в работе *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship* («Региональная политика: национализм, мультикультурализм и гражданство») он анализирует дискуссии по правам меньшинств, проходившие в течение почти двух десятилетий, рассматривает требования этнокультурной справедливости в либеральной демократии, утверждая, что права меньшинств должны дополнять права человека. Вопросы позитивной дискриминации изучаются им в контексте проблем национализма, этнокультурного разнообразия, современных теорий гражданства.

В отечественной научной литературе интерес к этому явлению (и самому термину) обнаружился значительно позднее, и проблемы позитивной дискриминации долгое время не исследовались. Ученые обращались к отдельным аспектам трудовых отношений, фрагментарно освещали проблемы некоторых национальных меньшинств, но тема позитивной дискриминации не попадала в поле ни общественного, ни научного внимания, и немногочисленные исследования не носили системный характер. Однако в начале 2000-х гг. не только практики пытались через частные проблемы реализации принципа равноправия заострить внимание общества на данной теме, но и теоретики осмысливали мировые процессы, желая воспользоваться накопленным в национальной сфере багажом⁹.

В настоящее время пробелы в изучении позитивной дискриминации в отечественной литературе в значительной мере преодолены, имеется целый

ряд работ, обобщающих как вопросы теории, так и опыт политических практик в России и мире. В частности, вопросы позитивной дискриминации освещены в трудах Л. Г. Ионина, В. А. Тишкова и др.¹⁰ Вместе с тем в большей степени эти проблемы рассматриваются в области права. Как полагают правоведы, в ходе реализации общепризнанных принципов равенства и для недопущения дискриминации современная конституционная юстиция вырабатывает критерии допустимой дифференциации правового статуса личности. Преимущества, предоставляемые некоторым уязвимым группам лиц по сравнению с «общими» категориями, могут порождать проблему позитивной дискриминации, истоки которой разъясняются, например, в статье М. А. Филатовой¹¹, которая анализирует различные подходы к позитивной дискриминации в практике Конституционного суда России, Верховного суда США и Конституционного совета Франции, рассматривает возможные пути решения данного вопроса.

Основной вопрос, вокруг которого ведутся дискуссии, касается того, почему политика позитивных действий, представляющаяся целесообразной многим специалистам в области социальных наук, вызывает так много негативных комментариев. Рассматривается, в частности, вопрос о том, как концепция национального государства соотносится с правами меньшинств в условиях глобализации.

Как замечает один из наиболее активно пишущих в этой области автор, профессор права Дж. Фаундес (*J. Faundez*) положительное действие используется в качестве инструмента социальной политики в ряде стран по всему миру и одобрено в некоторых конституциях, законах и международных конвенциях по правам человека. Тем не менее оно является спорным, особенно потому, что и его сторонники, и критики основываются на понятии равенства, чтобы оправдать свою позицию. Даже в том случае, когда стороны соглашаются в вопросе о необходимости уравнивать возможности, они спорят о том, как это должно быть сделано¹².

Другую дискуссионную проблему довольно определенно сформулировал российский исследователь Д. И. Аксеновский, отметивший, что все чаще ценность многообразия используется для дезорганизации общества. «Культурные, конфессиональные, этнические, гендерные и иные различия становятся основанием для истребования особых прав тем, кто представляет в обществе явное меньшинство. Возникает новый риск в развитии общества — дискриминация большинства как современный вызов демократии, выраженный в том, что малые группы действуют эффективнее больших»¹³.

Как показали события в Европе последних лет, возможность позитивной дискриминации становится реальной проблемой, по поводу которой ведутся самые острые дискуссии. При этом нужно различать подходы политиков и специалистов в области этнологии, политологии и др., на что еще в 2006 г. обратил внимание известный французский историк, директор Лаборатории исторической демографии Высшей школы социальных исследований (Париж), профессор Эрве Ле Брас. Довольно критически воспринимая позицию политических лидеров Франции по вопросу *affirmative action*, ученый говорит: «Единственная возможная во Франции форма позитивной дискриминации — это по

территориальному принципу, т. е. целевая помощь населению неблагополучных кварталов. Это мне представляется возможным, но я не вижу, каким образом можно было бы использовать другие критерии»¹⁴. И далее, плохо представляя, какими именно мерами власти будут проводить позитивную дискриминацию в жизнь, он резюмирует: «Я с большим недоверием отношусь к подобным мерам, которые могут иметь весьма негативные последствия, стигматизируя соответствующие группы населения»¹⁵. Анализ современной литературы по проблемам позитивной дискриминации показывает, что в последнее время в силу обострения ситуации в мультикультурных сообществах не только в Европе, но и в странах Азии, арабского Востока и других регионах мира быстро меняющиеся политические реалии влекут за собой быструю смену теоретических построений и исходных установок, когда в оправдание позитивной дискриминации (или как аргументы против) выстраиваются различные приоритеты (экономическая целесообразность, принципы либеральной демократии, сохранение культурной идентичности и др.).

Самостоятельной темой в современной историографии позитивной дискриминации стал вопрос о ее проявлении в России и странах постсоветского пространства, что анализируется исследователями как на уровне политических практик современности, так и в контексте истории. Применительно к последнему продолжают сосуществовать идеологема «тюрьма народов», дискуссии о роли культурной автономии в полиэтнических государствах и культурном национализме¹⁶, а также концепция уже состоявшихся аффирмативных действий. В связи с этим нельзя не признать справедливым замечание В. А. Тишкова о том, что в этом вопросе «опыт России существенно отличается от опыта стран Западной Европы и остального мира», и сходную с Россией практику имеют только государства бывшего СССР и отчасти восточноевропейские страны. Ссылаясь на мнение американского историка Т. Мартина, В. А. Тишков соглашается с последним в том, что «СССР представлял собой “империю аффирмативных акций” — государство, в котором был осуществлен уникальный эксперимент масштабного спонсирования этничности, начиная от научных разработок и этнического картографирования, системы переписного и документального учета и вплоть до системы государственного устройства и официальной идеологии “дружбы народов”»¹⁷. Петербургские исследователи из НИУ ВШЭ, авторы коллективной работы «История советской национальной политики: колебания маятника?», выполненной под руководством А. Н. Щербака, также полагают, что «советская национальная политика незаслуженно оказалась на периферии постсоветских исследований»¹⁸. Более того, «ранний советский период (1926–1939)» авторы обозначают как период позитивной дискриминации, опыт которой представляется им весьма ценным. «Ревизия советского наследия в этой сфере, хотя бы на уровне целеполагания и инструментария, способна дать представление о возможных курсах и их приблизительных последствиях»¹⁹, — заключают исследователи. В другой работе А. Н. Щербака²⁰ тема рассмотрена в контексте советского национализма. В ряду вопросов автор затронул дискуссии о роли культурной автономии в многонациональных государствах как пути решения межэтнических конфликтов, заключив, что «культурный национа-

лизм» (как продукт позитивной дискриминации) предшествовал национализму политическому и косвенно усилил его, а уступки в области культуры не остановили рост политического национализма в конце 1980-х гг.

Проявление позитивной дискриминации в советский период отражено в зарубежной и национальной историографии, освещение которых может стать самостоятельной темой. Здесь же ограничимся ссылками лишь на некоторые работы, в частности на книгу профессора Гарвардского университета Т. Мартина «Империя “положительной деятельности”». Нации и национализм в СССР, 1923–1939»²¹, в которой показана политика позитивной дискриминации русского населения в интересах национальных меньшинств: «Советский Союз стал первой в мировой истории страной, где были разработаны программы положительной деятельности (англ. *affirmative action*, т. е. дискриминации национального большинства) для национальных меньшинств, и до сих пор еще ни одна страна не сравнялась с ним по их масштабности»²². Нельзя не назвать и работы профессора Мичиганского университета Р. Суни, специалиста по армянскому вопросу, показавшего, что в политике большевиков в первые годы советской власти присутствовали аффирмативные действия²³.

Ряд исследователей уделяет внимание опыту позитивной дискриминации в Российской империи. В этом отношении заслуживает упоминания небольшая по объему, но емкая по содержанию статья Н. Н. Жукова²⁴, в которой на основании ряда законов Российской империи (Свода законов о состояниях и Уставе об управлении инородцев), юридически оформивших разностатусность российского населения, показано правовое положение автохтонного населения окраинных регионов. В частности, автор определяет преференции различных групп инородческого населения, особенно восточных инородцев (киргизов Внутренней Орды, инородцев Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей, инородческое население Закаспийской области и др.). Однако особо ярким примером реализации позитивной дискриминации в дореволюционном праве Н. Н. Жуков считает правовой статус финляндских обывателей. Автор делает вывод о том, что явление позитивной дискриминации по национальному признаку стало известно отечественному праву уже в XIX в., хотя возникло на других идейных основаниях, в особых исторических условиях, что, впрочем, не помешало его трансляции в советское, а затем и современное правовое поле²⁵. Как пример позитивной дискриминации рассматривается и политика Российской империи в Волго-Донском регионе в статье И. Н. Фалалеевой²⁶. По мнению автора, в XIX в. монархия использовала методы управления, которые только на первый взгляд являются взаимоисключающими. «Правовая политика законодателя состояла в том, чтобы оптимально сочетать практики поощрения новых этнических и сословных групп через признание их обычно-правовых систем с практикой наступления на права групп, более “укорененных” этнически и конфессионально. При этом монархия стремилась осуществлять как законодательный, так и неформальный контроль над региональными сообществами. Эта политика проводилась методами, которые выглядят вполне современно, и не без оснований может быть описана как положительная дискриминация и правовой плюрализм»²⁷.

Очевидно, именно положительную дискриминацию имел в виду и Б. Н. Миронов, когда рассматривал политику «этнопатернализма» в позднеимперской России²⁸. Историк пишет об отсутствии этнической дискриминации, что «обеспечивалось достаточно гибкой этноконфессиональной политикой имперского этнопатернализма, которая уважала статус-кво присоединяемой территории и проживавшего на ней населения, широко сотрудничала с местными элитами, проявляла конфессиональную и этническую толерантность, создавала некоторые преимущества в правовом положении нерусских сравнительно с русскими, предоставляла коренным народам аннексированных территорий права быть гражданскими субъектами наравне с русскими. Подобная “технология” управления этноконфессиональным разнообразием империи позволяла осуществлять постепенную, достаточно гибкую и непрямую имперскую интеграцию и модернизацию традиционных обществ “окраин” и обеспечила долгое сохранение единства полиэтнической и поликонфессиональной Российской империи»²⁹.

Вместе с тем в теперь уже весьма обширных национальных историографиях есть и другие точки зрения на опыт позитивной дискриминации в имперской и советской политической практике, равно как и рефлексии по поводу ситуаций в постсоветском пространстве. Проводятся, в частности, компаративные исследования прошлого и настоящего коренных народов бывшей Российской империи и Советского Союза, изучаются вопросы правового регулирования и практики реализации прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, анализируются ситуации с дискриминацией по национальному признаку и другие явления, в том числе и *affirmative action*³⁰. Исследователи обращают внимание на явную недостаточность аффирмативных действий в правовой практике в России второй половины XX — начала XXI в. Речь идет, например, об опасности прямого уничтожения коренных малочисленных народов в результате индустриальной экспансии или поглощения традиционных культурно-хозяйственных укладов. Так, И. В. Горностаева отмечает в статье, посвященной коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, что борьба коренных народов за особый правовой статус, призванный обеспечить защиту их этнокультурной целостности, концентрируется вокруг борьбы за ресурсы³¹. В этой ситуации особое значение приобретают вопросы защиты прав коренных малочисленных народов в контексте промышленного освоения территорий их проживания. К сожалению, приходится признать, констатирует автор, что эти народы России наименее защищены³². Хотя термин «позитивная дискриминация» не упоминается в статье И. В. Горностаевой, ее содержание не оставляет сомнения в обосновании автором необходимости этой практики. Подобные интенции свойственны и многим другим публикациям последних лет. Их анализ свидетельствует о том, что в отечественной историографии эта большая тема выходит далеко за рамки обозначенных в их названиях проблем. Обзор «впечатляющего потока работ», демонстрирующего «ситуацию глубокого расхождения между российской реальностью и теоретическим осмыслением путей дальнейшего развития национальной российской политики», в том числе позитивной дискриминации, предпринят в работе И. Н. Фалалеевой³³.

Одна из поставленных в специальной литературе проблем — проблема русских как этнического меньшинства на территории бывших советских республик, где особенно просматривается отсутствие положительной дискриминации, с чем исследователи и связывают возникновение «русского вопроса». Подавляющее число публикаций посвящено прибалтийским территориям³⁴, в значительно меньшей степени освещается положение русского населения в других регионах, хотя в этих работах вопрос также ставится достаточно остро³⁵. В частности, в статье Ю. Л. Николаевой, посвященной Таджикистану, прямо говорится: «Совокупность проблем, связанных с жизнедеятельностью русских в Республике Таджикистан, является частью проблемы, которая называется “русским вопросом XXI века”»³⁶. По мнению автора, самая актуальная проблема для современного российского государства — создание концепции национальной политики, которая должна включать стратегию и тактику действий в отношении русских в странах СНГ в процесс консолидации русских в целостную нацию³⁷. Еще более радикально высказывается К. Ю. Аверьянов: «Русский народ в Российской Федерации находится в дискриминационном положении по отношению к другим проживающим в российском государстве этносам. Для того чтобы положить конец указанной дискриминации, предлагается преобразовать многонациональную Российскую Федерацию в русское национальное государство европейского типа, где доминирующий этнос (русские) будет наделен правом на самоопределение в границах всей России, а этническим меньшинствам будет предоставлено право на защиту своих законных интересов. Это позволит сформировать в России русскую гражданскую нацию, в которую войдут все граждане России вне зависимости от их этнического происхождения»³⁸. В упомянутых работах и ряде других недавних публикаций речь идет о недостаточности аффирмативных действий уже в отношении русских в составе России.

Безусловно, рассмотренные вопросы не исчерпывают всей сложности и многоплановости проблем позитивной дискриминации, практика реализации которой специфична в разных странах и регионах. Однако обобщенные на основе политических практик и выявленные в специальной литературе общие, универсальные для любого сообщества составляющие этой политики применимы как к европейскому социуму, так и к социумам стран Азии, Африки и других регионов, в том числе России.

¹ Кириллова Л. В. Историографический обзор политики позитивной дискриминации в США // Вестник Удмурдского университета. 2015. Т. 25, вып. 4. С. 157–162.

² Там же. С. 160–161.

³ Crosby F. J. Affirmative action is dead: Long live affirmative action. New Haven, CT: Yale University Press, 2004; Clayton S. D., & Crosby F. J. Justice, gender, and affirmative action. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1992; Crosby F. J., Iyer A., Clayton S., & Downing R. Affirmative action: Psychological data and the policy debates // American Psychologist. 2003. Vol. 58, iss. 2. P. 93–115; и др. — См. также имеющую самостоятельную значимость в дискуссиях о позитивной дискриминации рецензию на ее работы: Lynch F. R. Affirmative action is dead; long live affirmative action // Perspectives on Politics. 2005. Vol. 3, no. 2. P. 371–373.

⁴ См., напр.: *Bader V.M.* Dilemmas of ethnic affirmative action. Benign state-neutrality or relational ethnic neutrality? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 1998. Vol. 2, iss. 3. P. 435–473; *Kilson M.L.* In defence of Affirmative Action: The American case // *Ibid.* 1983. Vol. 10, iss. 3. P. 464–469; *Nickel J.W.* Strong affirmative action // *Ibid.* 1990. Vol. 17, iss. 1. P. 49–57; *Tumma-la Kr. K.* Affirmative action: A status report // *Ibid.* 1991. Vol. 14, iss. 3. P. 383–411; и др.

⁵ См., напр.: *Лемос Игрежа Р.* Этнические и расовые категории в переписях и политика позитивной дискриминации в Бразилии / пер. с фр. Е. И. Филипповой // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 1. С. 26–40; *Мухаметзянова-Дуггал Р. М.* Мусульмане в контексте позитивной дискриминации Индии // *Хакимовские чтения «Россия и арабский мир: история и современность»* (Уфа, 29 ноября 2012 г.). Уфа, 2012. С. 40–43; *Червоная У.* «Позитивная дискриминация» в экономике ЮАР (2014). URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3844#top-content (дата обращения: 28.11.2016).

⁶ Affirmative Action // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/affirmative-action/> (дата обращения: 12.10.2018); Affirmative Action. Social Justice or Reverse Discrimination? / eds F. J. Beck, E. J. Todd. New York, 1997; *Edwards J.* Positive Discrimination: Social Justice in Social Policy. Tavistock; London, 1986; *Rawls J.* The Priority of Rights and Ideas of Good // *Philosophy and Public Affairs*. 1988. Vol. 17, no. 4. P. 251–276; и др.

⁷ *Edwards J.* Facing up to positive discrimination // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 1988. Vol. 14, iss. 3. P. 405.

⁸ *Kymlicka W.*: 1) *Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford, 1996; 2) *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford, 2001; *Кимлика У.* Либеральное равенство // *Современный либерализм* / пер. и авт. предисл. Л. Б. Макеева. М., 1998. С. 138–190; и др.

⁹ См. об этом, напр.: *Каменкова Л. Э., Мурашко Л. О.* Позитивная дискриминация: понятие, содержание, эволюция // *Журнал международного права и международных отношений*. 2006. № 2. С. 3.

¹⁰ *Иошин Л. Г.*: 1) *Восстание меньшинств*. М.; СПб., 2012; 2) *Парад меньшинств*. М.; СПб., 2014; *Сморгунова В. Ю.* Сравнительно-политический анализ мультикультурализма как политической технологии и фактора устойчивого развития общества // *Вестник Омского ун-та*. 2013. № 1. С. 200–205; *Семенов Ю. И.* Этнос, нация, диаспора // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 2. С. 64–74; *Тишков В. А.* О культурном многообразии // Там же. 2005. № 1. С. 3–22; и др.

¹¹ *Филатова М. А.* Современные вопросы позитивной дискриминации в контексте практики конституционных судов // *Журнал конституционного правосудия*. 2014. № 4. С. 19–28.

¹² *Faundez J.* Affirmative Action: International Perspectives. Geneva, 1994.

¹³ *Аксеновский Д. И.* Дискриминация большинства как новый риск в развитии общества // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1 (123). С. 86–93.

¹⁴ *Филиппова Е. И.* Кровь или почва? (Что такое французская нация сегодня): интервью с Эрве ле Брасом // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 6. С. 105.

¹⁵ Там же. — О ситуации во Франции см. также: *Филиппова Е. И.*: 1) Французы, мусульмане: в чем проблема? // *Россия и мусульманский мир*. 2005. № 12. С. 146–168; 2) Понятие *ethnie* во французской научной традиции и его политическое использование // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 3. С. 52–73; и др.

¹⁶ См., напр: *Shcherbak A.* Nationalism in the USSR: historical and comparative perspective // *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43, no. 6. P. 866–885.

¹⁷ *Тишков В. А.* О культурном многообразии // *Этнографическое обозрение*. 2005. № 1. С. 6.

¹⁸ *Щербак А. Н., Болячевец Л. С., Платонова Е. С.* История советской национальной политики: колебания маятника? // *Политическая наука*. 2016. № 1. С. 101.

¹⁹ Там же. С. 122.

²⁰ *Shcherbak A.* Nationalism in the USSR: A Historical and Comparative Perspective. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2366789## (дата обращения: 12.10.2018).

²¹ *Martin T.* The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. London, 2001.

- ²² *Мартин Т.* Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М., 2011. С. 32.
- ²³ *Siny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.
- ²⁴ *Жуков Н. Н.* Истоки феномена «позитивной» дискриминации в российском праве // Северо-Восточный научный журнал. 2010. № 2. С. 35–38.
- ²⁵ Там же. С. 37–38.
- ²⁶ *Фалалеева И. Н.* Применение практик полиюридизма и положительного действия в управлении сообществами Волго-Донского региона в XIX в. // Власть. 2014. № 12. С. 183–188.
- ²⁷ Там же. С. 187.
- ²⁸ *Миронов Б. Н.* Об этнической дискриминации в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. 2017. Т. 62, № 1. С. 164–185.
- ²⁹ Там же. С. 177–178.
- ³⁰ См., напр.: *Алебастрова И. А.* Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // Lex Russica. 2017. № 1 (122). С. 35–49; *Гуриева С. Д.* Межэтнические отношения: модели этнической идентичности и трансформационные процессы современности // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. Коста Левановича Хетагурова. 2015. № 1. С. 101–107; *Соколовский С. В.* Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 59–76; *Шабаев Ю. П.* Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского сообщества // Там же. 2007. № 5. С. 39–54; *Мукомель В., Васильева Т., Паин Э.* Национальные меньшинства: Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах юга Российской Федерации. М., 2003; и др.
- ³¹ *Горностаева И. В.* Подходы к определению правового статуса коренных малочисленных народов в государственной политике России во второй половине XX — начале XXI в. // Вестник Северо-Восточного гос. ун-та. 2013. № 19. С. 121.
- ³² Там же.
- ³³ *Фалалеева И. Н.* О парадигме российской национальной политики // Власть. 2011. № 10. С. 57–60.
- ³⁴ См., напр.: *Задоркин Д. В.* Русская община в Прибалтике: причины дискриминации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 3 (38). С. 179–192; *Зверев К. А.* Особенности «русского вопроса» в Эстонии 1992–2009 гг. на уровне муниципальной политики (на примере Таллина) // Клио. 2014. № 11 (95). С. 109–112; *Синегубов А. Л.* Политическая и социальная активность русской диаспоры Латвии // Социальная политика и социология. 2014. Т. 2, № 2 (103). С. 180–195; и др.
- ³⁵ См., напр.: *Аверьянов К. Ю.* К вопросу о конституционно-правовом статусе русского народа // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2217–2223; *Мукомель В., Васильева Т., Паин Э.* Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах юга Российской Федерации. М., 2003; *Николаева Л. Ю.* Роль русского населения Таджикистана в трансформирующемся таджикском обществе // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 2 (19). С. 100–109; *Чернявский С. И.* О положении русскоговорящего населения в Белоруссии, Молдавии и на Украине // Ежегодник Ин-та международных исследований МГИМО (Университета) Министерства иностранных дел РФ. 2015. № 1 (11). С. 79–86; и др.
- ³⁶ *Николаева Л. Ю.* Роль русского населения Таджикистана в трансформирующемся таджикском обществе // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 2 (19). С. 109.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Аверьянов К. Ю.* К вопросу о конституционно-правовом статусе русского народа // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2217.

Статья поступила в редакцию 15 июля 2018 г.

Рекомендована к печати 18 февраля 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рябова Л. К. Позитивная дискриминация в этнополитике: постановка проблемы в современной историографии // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 536–548. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.215>
УДК 930.2(572.9)

Аннотация: В статье рассматривается принцип позитивной дискриминации, также известный как принцип *positive action (affirmative action)*. В центре внимания автора статьи — моральное измерение проблемы, вопрос о том, при каких обстоятельствах позитивная дискриминация может и должна быть использована, а также конфликт принципов позитивной дискриминации и равенства. Актуальность этой проблемы для России и сопредельных государств, некогда бывших в составе Российской империи, а затем Советского Союза, несомненна. За последние годы значительно увеличилось число публикаций на тему соотношения прав этнического большинства и меньшинства. Этнополитика как внутри России, так и в странах постсоветского пространства дает основание говорить о богатом историческом опыте позитивной дискриминации и ее современных практиках. Вместе с тем в обширных национальных историографиях есть и другие точки зрения на опыт позитивной дискриминации в имперской и советской политической практике, а также рефлексии по поводу ситуаций в постсоветском пространстве. Одна из поставленных в специальной литературе проблем — проблема русских как этнического меньшинства на территории бывших советских республик, где особенно просматривается отсутствие положительной дискриминации, с чем исследователи и связывают возникновение «русского вопроса». Обобщенные на основе политических практик и выявленные в специальной литературе общие, универсальные для любого сообщества составляющие этой политики применимы как к европейскому социуму, так и к социумам стран Азии, Африки и других регионов, в том числе современной России.

Ключевые слова: позитивная дискриминация, этническое большинство, этническое меньшинство, русский вопрос, историография.

Сведения об авторе: Рябова Л. К. — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); l.ryabova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Ryabova L. K. “Positive Discrimination” in the Ethnopolitics as a Problem in Modern Historiography’, *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 2, 2019, pp. 536–548. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.215>

Abstract: The article discusses the principle of “positive discrimination”, also known as the principle of “positive action” or “affirmative action”. The article addresses the moral dimension of this issue and the question of under what circumstances positive discrimination can and should be used, as well as the conflict of the principles of “positive discrimination” and equality. This is clearly an important issue for Russia and its neighboring states, which were previously part of the Russian Empire, and then the Soviet Union. In recent years, the number of publications on the relationship between rights of the ethnic majority and the minority has significantly increased. Ethnopolitics within the Russian Federation and in post-Soviet countries gives reason to talk about rich historical experience of “positive discrimination” and its modern practices. At the same time, in modern extensive national historiographies, there are other points of view and assessments of the experience of “positive discrimination” in imperial and Soviet political practice, as well as reflection on situations in the post-Soviet space. One problem posed in specialist literature is the problem of Russians as an ethnic minority in former Soviet republics, where the absence of “positive discrimination” is particularly noticeable. It is precisely with this that researchers associate the emergence of the “Russian question”. General and universal components of this policy, generalized on the basis of political practices and identified in the specialized literature, are applicable both to European society and to societies in Asia, Africa, and other regions of the world, including modern Russia.

Keywords: positive discrimination, ethnic majority, ethnic minority, Russian question, historiography.

Author: *Ryabova L. K.* — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University (St Petersburg, Russia); l.ryabova@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Affirmative Action. Social Justice or Reverse Discrimination?*, eds F. J. Beck, E. J. Todd (New York, 1997).
- Aksenovskiy D. I. 'Diskriminatsiya bol'shinstva kak novyi risk v razvitií obshchestva'. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie, no. 1 (123), 2014.
- Alebastrova I. A. 'Bol'shinstvo i men'shinstvo v konstitutsionnom gosudarstve: etnicheskii aspekt', *Lex Russica*, no. 1 (122), 2017.
- Averianov K. Yu. 'K voprosu o konstitutsionno-pravovom statuse russkogo naroda', *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, no. 10 (47), 2014.
- Bader V. M. 'Dilemmas of ethnic affirmative action. Benign state-neutrality or relational ethnic neutrality?', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 2, 1998.
- Cherniavskiy S. I. 'O polozhenii russkogovoriashchego naseleniya v Belorussii, Moldavii i na Ukraine', *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovanií MGIMO (Universiteta) Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii*, no. 1 (11), 2015.
- Clayton S. D., Crosby F. J. *Justice, gender, and affirmative action* (Ann Arbor, 1992).
- Crosby F. J. *Affirmative action is dead: Long live affirmative action* (New Haven, 2004).
- Crosby F. J., Iyer A., Clayton S., Downing R. 'Affirmative action: Psychological data and the policy debates', *American Psychologist*, Vol. 58, 2003.
- Edwards J. 'Facing up to positive discrimination', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 14, Iss. 3, 1988.
- Edwards J. *Positive Discrimination: Social Justice in Social Policy* (Tavistock — London, 1986).
- Falaleeva I. N. 'O paradigme rossiiskoi natsional'noi politiki', *Vlast*, no. 10, 2011.
- Falaleeva I. N. 'Primenenie praktik poliuridizma i polozhitel'nogo deistviya v upravlenii soobshchestvami Volgo-Donskogo regiona v XIX v.', *Vlast*, no. 12, 2014.
- Faundez J. *Affirmative Action: International Perspectives* (Geneva, 1994).
- Filatova M. A. 'Sovremennye voprosy pozitivnoi diskriminatsii v kontekste praktiki konstitutsionnykh sudov', *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, no. 4, 2014.
- Filippova E. I. 'Frantsuzy, musul'mane: v chem problema?', *Rossiya i musulmanskij mir*, no. 12, 2005.
- Filippova E. I. 'Krov' ili pochva? (Chto takoe frantsuzskaia natsiya segodnia): interv'iu s Erve le Brasom', *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, 2006.
- Filippova E. I. 'Poniatie etnie vo frantsuzskoi nauchnoi traditsii i ego politicheskoe ispol'zovanie', *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, 2007.
- Gornostaeva I. V. 'Podkhody k opredeleniiu pravovogo statusa korennykh malochislennykh narodov v gosudarstvennoi politike Rossii vo vtoroi polovine XX — nachale XXI v.', *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 19, 2013.
- Gurieva S. D. 'Mezhetnicheskíe otnosheniya: modeli etnicheskoi identichnosti i transformatsionnye protsessy sovremennosti', *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Khetagurova*, no. 1, 2015.
- Ionin L. G. *Parad men'shinstv* (Moscow — St. Petersburg, 2014).
- Ionin L. G. *Vostanie men'shinstv* (Moscow — St. Petersburg, 2012).
- Kamenkova L. E., Murashko L. O. 'Pozitivnaia diskriminatsiya: poniatie, sodержanie, evoliutsiya', *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*, no. 2, 2006.
- Kilson M. L. 'In defence of Affirmative Action: The American case', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 10, 1983.
- Kirillova L. V. 'Istoriograficheskii obzor politiki pozitivnoi diskriminatsii v SShA', *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, vol. 25, iss. 4, 2015.
- Kymlicka W. 'Liberal'noe ravenstvo', *Sovremenniy liberalism* (Moscow, 1998).
- Kymlicka W. *Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights* (Oxford, 1996).
- Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship* (Oxford, 2001).

- Lemos Igreja R. 'Etnicheskie i rasovye kategorii v perepisiakh i politika pozitivnoi diskriminatsii v Braziii', transl. by E. I. Filippova, *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, 2015.
- Lynch F. R. 'Affirmative action is dead; long live affirmative action', *Perspectives on Politics*, Vol. 3, no. 2, 2005.
- Martin T. *Imperii polozhitel'noi deiatel'nosti. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*, transl. O. R. Shchelokova (Moscow, 2011).
- Martin T. *The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (London, 2001).
- Mironov B. N. 'Ob etnicheskoi diskriminatsii v pozdneimperskoi Rossii', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii*, Vol. 62, no. 1, 2017.
- Mukhametzyanova-Duggal R. M. 'Musul'mane v kontekste pozitivnoi diskriminatsii Indii', *Khakimovskie chteniia "Rossiia i arabskii mir: istoriia i sovremennost'"*. Ufa, 29 noiabria 2012 g. (Ufa, 2012).
- Mukomel V., Vasilieva T., Pain E. *Natsional'nye men'shinstva: Pravovye osnovy i praktika obespecheniia prav lits, prinaldzhashchikh k natsional'nym men'shinstvam, v sub'jektakh iuga Rossiiskoi Federatsii* (Moscow, 2003).
- Nickel J. W. 'Strong affirmative action', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 17, 1990.
- Nikolaeva L. Yu. 'Rol' russkogo naseleniia Tadzhikestana v transformiruiushchemsia tadhikskom obshchestve', *Sravnitel'naia politika*, vol. 6, no. 2 (19), 2015.
- Rowls J. 'The Priority of Rights and Ideas of Good', *Philosophy and Public Affairs*, Vol. 17, no. 4, 1998.
- Semenov Yu. I. 'Etnos, natsiia, diaspora', *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, 2000.
- Shabaev Yu. P. 'Respublika Komi: meniaiushchiesia liki migrantskogo soobshchestva', *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, 2007.
- Shcherbac A. 'Nationalism in the USSR: historical and comparative perspective', *Nationalities Papers*, Vol. 43, no. 6, 2015.
- Shcherbak A. N., Boliachevets L. S., Platonova E. S. 'Istorii sovetskoi natsional'noi politiki: kolebaniia maiatnika?', *Politicheskaia nauka*, no. 1, 2016.
- Sinegubov A. L. 'Politicheskaia i sotsial'naia aktivnost' russkoi diaspory Latvii', *Sotsial'naia politika i sotsiologiya*, vol. 2, no. 2 (103), 2014.
- Smorgunova V. Yu. 'Sravnitel'no-politicheskii analiz mul'tikul'turalizma kak politicheskoi tekhnologii i faktora ustoichivogo razvitiia obshchestva', *Vestnik Omskogo un-ta*, no. 1, 2013.
- Sokolovskiy S. V. 'Korennye narody: ot politiki strategicheskogo essentsializma k printsipu sotsial'noi spravedlivosti', *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, 2008.
- Suny R. G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union* (Stanford, 1993).
- Tishkov V. A. 'O kul'turnom mnogoobrazii', *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, 2005.
- Tummala Kr. K. 'Affirmative action: A status report', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 14, 1991.
- Zadorkin D. V. 'Russkaia obshchina v Pribaltike: prichiny diskriminatsii', *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, no. 3 (38), 2017.
- Zhukov N. N. 'Istoki fenomena "pozitivnoi" diskriminatsii v Rossiiskom prave', *Severo-Vostochnyi nauchnyi zhurnal*, no. 2, 2010.
- Zverev K. A. 'Osobennosti "russkogo voprosa" v Estonii 1992–2009 gg. na urovne munitsipal'noi politiki (na primere Tallina)', *Klio*, no. 11 (95), 2014.

Received: July 15, 2018

Accepted: February 18, 2019